

«формы выражения» и «формы содержания» (Гумбольдт, 1963, 35; Соссюр, 1962; Ельмслев, 1946, 13).

Отсюда следует понимание языкового значения, которое включает, по крайней мере, четыре аспекта: во-первых, предметное представление как функции лингвистического значения; во-вторых, признание первичности лингвистического значения по отношению к структурному значению; в-третьих, понимание структурного значения не как «односторонне абстрактно-дифференциально-алгебраизированного» (Гиппер, 1972, 274, 278; Сусов, 1973; Кацнельсон, 1972), а в строгом соответствии с «жизненной практикой» и «жизненной действительностью» (ср. язык как «энергейя» у В. Гумбольдта), что требует дополнения и уточнения «техничко-сциентифических и эмпирико-сциентифических методов структурализма трансцендентально-герменевтическим и историко-герменевтическим методами рассмотрения» (Гиппер, 1972, 274, 278); в-четвертых, понимание лингвистического значения как социально обоснованных и привитых каждому носителю языка форм употребления языка. Мы прежде всего рассмотрим положение о соотношении предметного представления и лингвистического значения.

Понимание предметного представления как функции лингвистического значения характерно уже для Аристотеля, который «не считал звуки непосредственно предметами», а понимал их как «отражение предметов при помощи представлений, возникающих в душе». Такая же точка зрения была характерной и для стоиков (Бохенский, 1956, 126; Косериу, 1969, 101), причем в дальнейшем, в трудах Больдано, Фреге, Гуссерля и польских логиков, она послужила фундаментом «новой» философии языка, где целенаправленность выражения воспринимается как условие его расширенного обозначения.

Помимо представителей «новой» философии языка сторонники традиционного языкознания также восприняли постулат о функциональности предметного выражения, что в равной степени характерно для семасиологии, ономастиологии и для семантической модели Огдена и Ричардса (см. Гиппер, 1971), однако восприятие традиционных положений происходило в данном случае с позиций семантического анализа, которому всегда отдавалось предпочтение, что вновь возвращает нас к необходимости уточнения и дополнения проблемы структурного значения.

Структурное значение, по нашему мнению, представляет собой два различных и взаимосвязанных аспекта: а) внешне-структурную специфику языковых содержаний и б) их внутренне-системную определенность. Грамматическая форма приобретает здесь ведущее значение для содержания, и, наоборот, внутренняя структура, как это понимается в генеративной грамматике, мотивируется логической формой. Первичность содержания выражения утверждается как на основе вероятных смысловых соотношений с другими выражениями в тексте, так и на основе его семантической сложности, а также благодаря семантически возможным заменам, контрастам и т. д.

Реализация 3 и 4 аспектов возможна только в рамках теории речевого действия и теории языкового поведения, что настоятельно требует их широкого подключения к общей теории языка для успешного решения проблемы описания значений, причем в настоящее время необходимо стремиться лишь к решению отдельных аспектов этой общей проблемы. Ведущее значение для плодотворного разрешения возникающих здесь перед нами вопросов имеют идеи и методологические принципы марксистско-ленинской теории деятельности и поведения.